

ПЬЕР БАЙЯР

ИСКУССТВО РАССУЖДАТЬ О КНИГАХ, КОТОРЫХ ВЫ НЕ ЧИТАЛИ

Непрочитанные книги бывают разные
Книги, содержание которых мы забыли

В каких случаях мы рассуждаем о книгах
Светская беседа

Как беседовать о непрочитанном
Не стесняться

ТЕКСТ

Искусство

Пьер Байяр

**Искусство рассуждать
о книгах, которых вы не читали**

«WebKniga»

2007

УДК 82.09
ББК 83.3(0)

Байяр П.

Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали /
П. Байяр — «WebKniga», 2007 — (Искусство)

ISBN 978-5-75-161466-9

Знаменитая книга Пьера Байяра, смешная и вызывающая, с множеством забавных и неожиданных примеров. Покорившая Францию и многие другие страны, она обращена ко многим и многим не-читателям — «с этой книгой они могут побороть чувство вины без помощи психоаналитика, — сказал Байяр в одном интервью, — а это куда дешевле». Пьер Байяр (р. 1954 г.) — автор почти двух десятков книг, специалист по литературоведческому эпатажу и знаток психоанализа, преподаватель университета Париж VIII. Его «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» — это весьма неожиданные соображения о чтении. Вместо стандартной пары «читал — не читал» — он выделяет несколько типов общения человека с книгой: ее можно пролистать, узнать содержание от других, а иногда, наоборот, хорошо прочитанную книгу можно начисто забыть. Пьер Байяр разбирает ситуации, в которых нам приходится говорить о непрочитанных книгах. Как же выйти из положения с честью? Он убедительно доказывает, что, вопреки распространенному мнению, вполне можно вести увлекательную беседу о книге, которой вы не читали, в том числе с человеком, который ее тоже не читал.

УДК 82.09
ББК 83.3(0)

ISBN 978-5-75-161466-9

© Байяр П., 2007
© WebKniga, 2007

Содержание

Информация от издательства	6
Список сокращений	7
Пролог	8
Виды непрочитанных книг	12
Глава I. Книги, о которых мы ничего не знаем	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пьер Байяр

Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали

*Я не читаю книг, на которые должен писать рецензии, ведь так
просто попасть под влияние.
Оскар Уайльд*

Информация от издательства

Байяр П.

Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / Пьер Байяр; Пер. с фр. А.Поповой. – М.: Текст, 2017. – (Искусство).

ISBN 978-5-7516-1466-9

Знаменитая книга Пьера Байяра, смешная и вызывающая, с множеством забавных и неожиданных примеров. Покорившая Францию и многие другие страны, она обращена ко многим и многим не-читателям – «с этой книгой они могут побороть чувство вины без помощи психоаналитика, – сказал Байяр в одном интервью, – а это куда дешевле». Пьер Байяр (р. 1954 г.) – автор почти двух десятков книг, специалист по литературоведческому эпатажу и знаток психоанализа, преподаватель университета Париж VIII. Его «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» – это весьма неожиданные соображения о чтении. Вместо стандартной пары «читал – не читал» – он выделяет несколько типов общения человека с книгой: ее можно пролистать, узнать содержание от других, а иногда, наоборот, хорошо прочитанную книгу можно начисто забыть. Пьер Байяр разбирает ситуации, в которых нам приходится говорить о непрочитанных книгах. Как же выйти из положения с честью? Он убедительно доказывает, что, вопреки распространенному мнению, вполне можно вести увлекательную беседу о книге, которой вы не читали, в том числе с человеком, который ее тоже не читал.

© Editions Minuit, 2007

© «Текст», издание на русском языке, 2017

Список сокращений

цит. соч. – цитируемое сочинение

НК – неизвестная книга,

КП – книга пролистанная

КС – книга, о которой мы слышали,

КЗ – книга, содержание которой мы забыли

++: очень нравится

+: нравится

–: не нравится

—: категорически не нравится

Пролог

Я родился в семье, где читали мало, сам тоже чтением не увлекался, некогда мне было этим заниматься, поэтому нередко по стечению обстоятельств, на которые жизнь большая мастерица, я попадал в нелепые ситуации и вынужден был говорить о книгах, которых не читал.

Работаю я в университете, преподаю литературу, и мне по долгу службы положено рассуждать о книгах, которых во многих случаях я даже не открывал. Вообще-то, большинство моих студентов – тоже, но достаточно бывает, чтобы кто-то один прочитал текст, о котором я рассказываю, и уже все занятие идет не так, а сам я в любой момент рискую попасть в глупое положение.

Кроме того, мне постоянно приходится отзываться о чужих публикациях в своих собственных книгах и статьях, потому что в основном они как раз и посвящены чужому творчеству. Это сложнее, ведь если неувязка, допущенная в устном выступлении, еще может сойти с рук, то любой напечатанный комментарий остается на бумаге и его можно проверить.

В силу этих обстоятельств, которые уже стали для меня привычными, я считаю, что вполне мог бы прочитать полный курс лекций, посвященный «нечтению», или, по крайней мере, поделиться изрядным накопленным опытом и положить начало размышлениям на эту запретную тему – что, впрочем, не так-то просто, потому что для этого нужно нарушить множество разных табу.

* * *

Чтобы вот так взять и поделиться этим опытом, нужна определенная смелость, и неудивительно, что публикаций о пользе нечтения так мало. Потому что идея нечтения натывается на множество запретов внутри нас, которые мешают поговорить об этом прямо, как попытаюсь сделать я. Есть, как минимум, три главных запрета.

Первый можно условно назвать «обязанностью читать». Мы все еще живем в таком обществе (хотя понятно, что дни его сочтены), где к чтению относятся как к сакральному действию. Особенно мощный ореол сакральности окружает некоторые канонические тексты – их список зависит от круга общения, – которых не прочесть нельзя, если не хочешь лишиться уважения ближних.

Второй запрет – сродни первому, только слегка видоизмененный, его можно назвать «обязанностью читать целиком». Не читать книг – неприлично, но почти так же неприлично читать наискосок или пролистывать, а главное – признаваться в этом. Так, совершенно немыслимо для университетского преподавателя-гуманитария признаться в том, что он прочитал роман Пруста только местами, а не от корки до корки, хотя большинство именно так и поступили.

Третий запрет касается разговоров о книгах. Неписанный закон нашей культуры говорит, что необходимо прочесть книгу, чтобы высказываться о ней более-менее определенно. Хотя, по моему опыту, вполне можно вести увлекательную беседу о книге, которой вы не читали, и, может быть, даже с человеком, который ее тоже не читал.

Больше того, как я покажу в этом эссе, иногда, чтобы говорить о книге более определенно, лучше не читать ее целиком или вообще не открывать. И очень важно, по-моему, не упускать из виду опасность, которую таит в себе чтение для человека, собравшегося высказаться о какой-нибудь книге или, хуже того, писать на нее рецензию.

* * *

Из этой системы обязанностей и запретов вытекает привычка лицемерить, когда речь заходит о том, какие книги человек на самом деле читал. Кроме денег и секса, есть мало областей жизни, о которых было бы так же трудно услышать от людей правду, как о прочитанных книгах.

В среде филологов-профессионалов из-за трех запретов, которые я только что перечислил, привирать на эту тему – общее место, что объясняется важной ролью книг в их работе. И хотя сам я читал мало, но достаточно хорошо знаю некоторые книги (роман Пруста, к примеру), чтобы догадываться по разговорам с коллегами, действительно ли они эти книги прочли. Так вот, могу вам сказать: это редкий случай.

На тему прочитанных книг лгут другим, но прежде всего и перво-наперво лгут себе, ведь иногда так трудно самому себе признаться, что не прочел какой-то книги, которую в твоём кругу считают «обязательной». Мы же ловко умеем перекраивать свое прошлое, чтобы в наших глазах оно выглядело лучше.

Эта повсеместная ложь, которая звучит там, где говорят о книгах, – просто обратная сторона табу, наложенного на «нечтение», и тех, вероятно еще детских, страхов, на которых этот запрет держится. Нет никакой надежды выйти из этого замкнутого круга целым и невредимым, если мы не разберемся с бессознательным чувством вины, которое вызывает у нас тот факт, что мы не читали некоторых книг, и я хочу его побороть, хотя бы частично, с помощью этого эссе.

* * *

Рассуждать о непрочитанных книгах, а также о том, как мы о них беседуем, сложно еще и потому, что понятие «непрочитанности» очень расплывчато: сложно сказать, лжем мы или нет, утверждая, что некую книгу мы читали. Эти высказывания предполагают, что мы можем провести четкую границу между «читали» и «не читали», хотя на самом деле между этими двумя полюсами находится множество промежуточных способов приобщения к тексту.

Между книгой, прочитанной внимательно, и той, которую мы никогда не держали в руках и даже о ней не слышали, есть много промежуточных позиций – их стоит тщательно проанализировать. К тому же в отношении так называемых «прочитанных» книг хорошо бы разобраться, что именно мы понимаем под этим словом: ведь за ним могут стоять очень разные читательские тактики. И наоборот, многие книги, вроде бы непрочитанные, оказывают на нас сильное воздействие – через те отзвуки, которые до нас дошли.

Эта размытость границы между «прочитанным» и «непрочитанным» заставила меня задуматься о том, как мы вообще взаимодействуем с книгами. Поэтому мое исследование будет посвящено не только методам, позволяющим обойти опасные места в разговоре на книжные темы, – я собираюсь также, опираясь на анализ таких разговоров, заложить основы настоящей теории чтения, и особое внимание в ней будет уделено именно оговоркам, неточностям и всяким ляпсусам – следствиям тех непоследовательных и причудливых стратегий чтения, которые не стыкуются с идеальными представлениями об этом процессе.

* * *

Из сказанного выше логично вытекает план моего исследования. В первой части я выделю основные типы «непрочитанности», которые вовсе не сводятся к тому, что книгу

просто не открывали. Книги, которые мы пролистали, книги, о которых мы слышали, и книги, содержание которых мы напрочь забыли, – все, хоть и на разных правах, попадают в обширную группу «непрочитанных».

Вторая часть будет посвящена анализу конкретных ситуаций, в которых нам приходится говорить о непрочитанных книгах. Не стоит, конечно, приводить полный перечень ситуаций, с которыми в своей жестокости сталкивает нас жизнь: я приведу лишь несколько наглядных примеров – иногда это слегка завуалированный опыт из моей профессиональной жизни. Примеры помогут мне выявить общую основу таких ситуаций, на которую я буду опираться, развивая свою теорию.

Третья часть – самая важная, ради нее я и затеял всю книгу. Это серия простых советов, вобравших в себя весь мой опыт нечтения. Советы о том, как человеку, который столкнется с этими проблемами на практике, разрешить их наилучшим образом и даже выйти из ситуации с честью, а параллельно попробовать разобраться, что же на самом деле представляет собой чтение.

* * *

Все мои предыдущие замечания нужны были не только для того, чтобы выстроить общую структуру книги, они еще помогают разобраться в том, как странно меняются представления об истине, когда речь заходит о книгах и особом пространстве вокруг них. Чтобы подойти к сути дела, мне придется изменить и язык, которым мы говорим о книгах, и даже сами слова, которые мы для этого используем.

Следуя основной идее своего эссе – о том, что выражение «прочитанная книга» слишком расплывчато, я буду для всех книг, которые здесь упоминаются, указывать в сноске степень моего личного знакомства с ними¹. Эти пометки, которые я по ходу дела разъясню, должны дополнить список тех обозначений, что мы привыкли видеть в сносках, – авторы снабжают ими упоминания о якобы прочитанных книгах (цит. соч., там же и др.). Вообще-то, как я покажу на своем личном примере, мы часто говорим о книгах, которые нам не очень знакомы, и, чтобы порвать с читательской привычкой к лицемерию, стоит в каждом случае уточнять, что мы знаем о книге на самом деле.

Вторая пометка, следующая за первой, отражает мое мнение о книге независимо от того, случалось ли мне держать ее в руках². И правда, поскольку я считаю, что для суждения о книге совсем не обязательно ее предварительно читать, не вижу причин, почему мне не высказываться о тех книгах, которые я упоминаю, даже если я знаю их плохо, а о каких-то вообще ничего не слышал³.

Эта новая система обозначений, которую, надеюсь, когда-нибудь начнут широко использовать, должна напоминать о том, что наше общение с книгой – вовсе не такой непрерывный и однородный процесс, как хочется некоторым критикам, и не однозначный метод познания самого себя; это скорее некая загадочная область, где бродят, как призраки,

¹ Четыре сокращения, которые я для этого использую, будут объяснены в первых главах. НК означает неизвестную мне книгу, КП – книгу пролистанную, КС – книгу, о которой я слышал, а КЗ – книгу, которую я забыл. Эти характеристики не взаимоисключающие. Я буду пометать так каждую книгу, о которой говорю, при первом ее упоминании. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.*)

² Я использую такие обозначения: ++ (очень нравится), + (нравится), – (не нравится), — (категорически не нравится). См. [список сокращений](#).

³ Моя система обозначений характеризуется и тем, чего в ней нет. Например, в ней нет таких сокращений, как ПК (прочитанная книга) и НПК (непрочитанная книга), – можно было бы ожидать их здесь встретить, но я их использовать не буду. Как раз против такого искусственного разделения и направлена моя книга, потому что за ним стоит определенный взгляд на процесс чтения – и он мешает воспринимать этот процесс так, как он происходит в реальности.

обрывки наших воспоминаний, и ее ценность, в том числе для нашего творчества, определяется теми туманными сущностями, которые ее наполняют.

Виды непрочитанных книг

Глава I. Книги, о которых мы ничего не знаем

В ней читатель убедится, что не так уж важно прочесть ту или иную книгу – это пустая трата времени, а куда лучше их все, по выражению Роберта Музиля, «охватить взглядом».

Существует много способов нечтения, и самый радикальный из них, конечно, – вообще не открывать ни одной книги. Такое полное воздержание, между прочим, характеризует взаимоотношения каждого читателя, как бы он ни был усидчив, с большинством книг на свете, так что это и есть самый распространенный тип наших контактов с печатным словом. Даже самый активный читатель сталкивается лишь с ничтожной долей от всех существующих книг. Поэтому и ему, если, конечно, он не отказался от всех разговоров с людьми, а заодно и от эпистолярных контактов, постоянно приходится высказываться о книгах, которых он не читал.

Доводя идею нечтения до логического конца, получим стопроцентного нечитателя, который в жизни не раскрыл ни одной книжки, что не мешает ему, однако, иметь о них представление и его высказывать. Как раз так и поступает библиотекарь в романе «Человек без свойств»⁴ – это хоть и второстепенный персонаж, но для нашего рассуждения фигура очень важная: у него крайне радикальная точка зрения по этому вопросу и он не стесняется ее высказывать.

Действие романа Музиля происходит в начале прошлого века в стране под названием Какания – это комическое перевоплощение Австро-Венгерской империи. Патриотическое движение «Параллельная акция» сплотилось вокруг идеи достойно отпраздновать грядущий день рождения императора и сим празднованием подать спасительный пример остальному миру.

Организаторы «Параллельной акции», показанные у Музиля смешными марионетками, заняты поисками «спасительной мысли», о которой они без устали говорят, но речи их абсолютно бессодержательны: у них нет ни малейшего представления о том, что это за мысль, и о том, каким образом она должна выполнить свою спасительную функцию за пределами страны.

Один из самых комичных персонажей среди организаторов «Параллельной акции» – генерал Штумм (по-немецки – «немой»). Он решил во что бы то ни стало первым отыскать эту спасительную мысль и преподнести ее женщине, которую он любит, Диотиме, – она тоже среди строителей акции.

«Ты помнишь, – сказал он⁵, – что я задался целью положить к ногам Диотимы ту спасительную мысль, которую она ищет. Есть, оказывается, очень много значительных мыслей, но какая-то одна должна быть, в конце концов, самой значительной; это ведь логично? Значит, все дело лишь в том, чтобы внести в них порядок»⁶.

Генерал имеет слабое представление об идеях, о том, что с ними делают, а главное, о том, откуда берут новые, поэтому он отправляется в государственную библиотеку – идеальное место, чтобы обзавестись необычными мыслями, чтобы «изучить противника», и, нако-

⁴ КП и КС ++.

⁵ В этой реплике, как и в следующих процитированных, Штумм обращается к своему другу Ульриху.

⁶ Здесь и далее цит. по: Р. Музиль. «Человек без свойств», книга первая, пер. с нем. С.К. Апта. (Примеч. перев.)

нец, это самый логичный способ добраться до той оригинальной идеи, которую он разыскивает.

Поход в библиотеку погружает нашего героя, не слишком-то привыкшего иметь дело с книгами, в сильнейшую тоску: перед ним море знаний, в которых он совершенно не способен ориентироваться, они ему неподвластны, а ведь он военный и привык командовать.

«Мы стали обходить это колоссальное книгохранилище, и поначалу, знаешь, я не был так уж ошеломлен, эти ряды книг не хуже, чем гарнизонный парад. Вскоре, однако, я начал считать в уме, и результат получился неожиданный. Понимаешь, мне раньше казалось, что если ежедневно прочитывать какую-нибудь книгу, то это будет, конечно, очень утомительно, но конец этому когда-нибудь да придет, и тогда я вправе буду претендовать на определенное положение в духовной жизни, даже если я то или другое пропущу. Но что, ты думаешь, ответил мне библиотекарь, когда я, не видя конца нашей прогулке, спросил его, сколько же, собственно, томов в этой сумасшедшей библиотеке? Три с половиной миллиона томов, отвечает он!!

Когда он это сказал, мы находились примерно у семисоттысячной книги, но с той минуты я перестал считать. Избавлю тебя от труда, в министерстве я еще раз проверил это с карандашом в руке: мне понадобилось бы десять тысяч лет, чтобы осуществить свой план при таких условиях!»

Осознание того, что количество книг, которые нужно прочесть, близко к бесконечности, подталкивает к мысли, что читать и вовсе не стоит. Глядя на неисчислимое множество уже вышедших книг, как не сказать себе, что любые читательские планы, пусть и помноженные на протяженность жизни, меркнут по сравнению с морем книг, которые так навсегда и останутся непрочитанными.

Чтение всегда начинается с не-чтения, и даже у самых увлеченных читателей, которые тратят на это все свое время, простой жест – взять книгу и открыть ее – всегда прячет за собой противоположный по смыслу акт, который реализуется одновременно и поэтому ускользает от нашего внимания: в ту же самую секунду человек невольно оставляет на полке и закрывает все остальные книги, которые, будь мир устроен иначе, могли бы оказаться на месте той избранной им книжки-счастливицы.

* * *

«Человек без свойств» напоминает нам об этой вечной проблеме, столкновении культуры и бесконечности, и в этой же книге предлагается одно из возможных решений – его выбрал библиотекарь, с которым общался генерал Штумм. Он действительно нашел способ ориентироваться если не во всех книгах в мире, то, по крайней мере, в миллионах книг, собранных в его библиотеке. Способ этот очень прост, и пользоваться им тоже чрезвычайно просто:

«Видя, что я не отпускаю его, он вдруг выпрямился, он буквально вырос из своих болтающихся штанов и говорит голосом, растягивающим каждое слово с такой значительностью, словно сейчас он выдает тайну этих стен. “Господин генерал, – говорит он, – вы хотите знать, как я ухитрюсь знать каждую книгу? Сказать вам могу одно: потому что я их не читаю!”»

Генерала, конечно, удивил необычный библиотекарь, который заботится о том, чтобы ничего не читать – и не от бескультурья, а, наоборот, чтобы лучше разбираться в своих книгах:

«Это, знаешь, меня действительно чуть не доконало! Но, увидев, как я потрясен, он все объяснил мне. Секрет всех хороших библиотекарей состоит в том, что из всей доверенной им

литературы они никогда не читают ничего, кроме заглавий книг и оглавлений. “Кто вникает в содержание, тот как библиотекарь пропал! – сказал он мне. – Он никогда не охватит взглядом всего!”

Я спрашиваю его, затаив дыхание: “Вы, значит, никогда не читаете этих книг?”

“Никогда; за исключением каталогов”.

“Но вы же доктор?”

“Конечно. Даже преподаю в университете; приват-доцент по библиотечному делу. Библиотечное дело – это тоже самостоятельная наука, – объяснил он. Сколько, вы думаете, господин генерал, существует систем, по которым расставляют и сохраняют книги, систематизируют их заглавия, исправляют опечатки и неверные данные на титульных листах и так далее?”»

Итак, библиотекарь у Музиля очень старается не вникать в свои книги, но это не значит, что он к ним безразличен, как можно было бы подумать, или не любит их. Наоборот, именно любовь к книгам – но ко всем книгам сразу – побуждает его благоразумно держаться от них подальше: из страха, как бы слишком выраженный интерес к одной из них не привел к тому, что останутся без внимания остальные.

* * *

Мне кажется, что мудрость библиотекаря у Музиля состоит как раз в желании «охватить взглядом», и то, что он говорит о библиотеках, применимо и ко всей культуре в целом: если человек погрязнет в книгах, он потерян для культуры и даже для самого чтения. Потому что ему, просто из-за огромного числа существующих книг, непременно придется делать выбор между возможностью «охватить взглядом» всё – и каждой отдельной книгой. А чтение – это очевидная потеря энергии на непростую и требующую массы времени деятельность, то есть на то, чтобы разобраться в них во всех.

Прозорливость нашего библиотекаря заключается прежде всего в том, что он опирается на идею всеобщности, ведь настоящая культура должна стремиться к полноте, а не сводиться к накоплению отдельных кусочков знания. И поиски такой полноты дают возможность по-другому посмотреть на каждую книгу, пренебрегая ее индивидуальными свойствами ради того, чтобы понять, какие соотношения связывают ее с другими.

Вот эти-то соотношения и должен пытаться уловить настоящий читатель, и это отлично понял библиотекарь Музиля. Он, как и многие его собратья, интересуется в большей степени не просто книгами, а книгами о книгах. Генерал спрашивает, не существует ли чего-нибудь «вроде железнодорожного расписания, позволяющего установить прямое и пересадочное сообщение между любыми мыслями, и тут он <библиотекарь> становится до жути вежлив и предлагает мне провести меня в комнату каталога и оставить там одного, хотя это, собственно, запрещено, потому что вход туда разрешен только библиотекарям. И вот я действительно проник в святая святых библиотеки. У меня было, скажу тебе, такое ощущение, словно я вошел внутрь черепной коробки; вокруг ничего, кроме этих полок с ячейками для книг, и повсюду стремянки, чтобы взбираться по ним, и на стеллажах и на столах ничего, кроме каталогов и библиографий, то есть самая квинтэссенция знания, и нигде ни одной порядочной книги для чтения, а только книги о книгах».

Обратите внимание на вопрос генерала о «расписании» для прямого сообщения и пересадок – именно такие вещи должны интересовать просвещенного человека, а не та или иная конкретная книжка. Вот так и железнодорожный диспетчер следит за совокупным движением поездов по путям, а не за тем, что везет какой-то один состав. И образ черепной коробки – еще один мощный аргумент за то, что взаимосвязи между идеями в культуре имеют куда большее значение, чем сами эти идеи.

Вообще-то, можно было бы усомниться в том, что наш библиотекарь и правда совсем не читает книг, ведь его весьма интересуют книги о книгах – то есть попросту каталоги. Но у них совершенно особый статус, и, по сути, их можно приравнять к обыкновенным спискам. К тому же именно благодаря им у нас есть визуальный образ тех взаимосвязей между книгами, к которым должен приглядываться человек, если он собирается одновременно взять под контроль огромное количество книг, например потому, что безумно их любит.

* * *

Идея нашего библиотекаря о том, что нужно «охватить взглядом» много книг, весьма полезна в практическом плане: именно такой интуитивно выбранный подход помогает некоторым искусникам с честью выходить из ситуаций, где их могли бы вот-вот уличить и обвинить в невежестве и бескультуре.

Просвещенные люди знают (а необразованные, себе на горе, не знают как раз этого): культура – прежде всего умение *ориентироваться*. Ведь светлой головешкой считают не того человека, который прочел ту или иную книгу, а того, кто ориентируется в них как в системе – то есть понимает, что книги складываются в некую систему, и может определить место каждого элемента по отношению к другим. Внутреннее содержание книги играет здесь менее важную роль, чем то, как она воспринимается снаружи, иными словами, внутреннее содержание книги и есть то, что вокруг нее: самое важное в книге – это ее соседи по книжной полке.

Поэтому для просвещенного человека ничуть не вредно не прочесть той или иной книги: если такой человек и не знает в точности ее *содержания*, он, как правило, имеет представление о ее *положении*, то есть о том, какое место эта книга занимает среди других. Проводить такое различие между содержанием книги и ее положением очень важно, ведь именно это помогает людям, которых культура не пугает, без труда говорить на любую тему.

Вот я, например, не прочел «Улисса»⁷ Джойса и, весьма вероятно, уже никогда не прочту. Поэтому я плохо представляю себе «содержание» этой книги. Содержание, но не положение. Потому что в содержании книги очень большая часть – от ее положения. В разговоре об «Улиссе» я совсем не чувствую себя безоружным, потому что могу довольно точно указать место этой книги по отношению к другим. Знаю также, что это – новая версия «Одиссеи»⁸, что она относится к литературе «потока сознания», что действие разворачивается в Дублине в течение одного дня и т. д. И поэтому на лекциях я зачастую, нисколько не смущаясь, упоминаю Джойса.

Более того, как мы увидим дальше, анализируя внутренние конфликты, которые стоят за нашей манерой говорить о прочитанном, я вполне могу без всякого стеснения признаться в том, что не читал Джойса. Мою библиотеку интеллектуала, как и всякую библиотеку, характеризуют, в числе прочего, присущие ей пробелы и упущения, и, по сути, они не столь важны, ведь библиотека эта достаточно наполнена, чтобы прореха не бросалась в глаза: слишком быстро любая беседа перескакивает с одной книги на другую.

Вопреки расхожим представлениям в большинстве разговоров о какой-нибудь книге речь идет, собственно, не о ней, а о довольно большой группе книг – обо всех, которые представляются важными для определенной группы в данный момент. Эту группу значимых книг я буду называть *коллективной библиотекой*, и знать, что в нее входит, действительно важно – именно это понадобится в разговоре о книгах. Но знать требуется не отдельные

⁷ КС ++.

⁸ КП и КС ++.

элементы этой группы, а соотношения между ними, и такое знание с легкостью сочетается с тем, что человек не знаком подробно с большей частью книг из этого круга.

Ведь книга перестает быть для нас неизвестной с того момента, как она попадает в зону нашего внимания, и, если мы ничего не знаем о книге, это вовсе не мешает нам думать о ней или рассуждать. Просвещенному и любопытному человеку еще до того, как он открыл книгу, достаточно знать ее название или один раз взглянуть на обложку, чтобы у него возник ряд наблюдений и образов, которые уже могут сложиться в первоначальное мнение, и сформироваться ему тем проще, что общая культура дает человеку некое представление о книгах как единой системе. Самая краткая встреча с книгой, даже если она осталась закрытой, может стать для такого не-читателя началом настоящего личного знакомства с ней, к тому же, честно говоря, любая новая книга перестает быть новой после первой встречи.

* * *

Интересная особенность нечитающего библиотекаря у Музиля в том, что его позиция не пассивна, а активна. Заметим, что многие просвещенные люди не читают и, наоборот, многие не-читатели – просвещенные люди, ведь не-чтение – это не просто отсутствие чтения. Это конкретная деятельность, которая состоит в том, чтобы определиться по отношению к бесконечному числу книг и не дать им себя подмять. Деятельность эту нужно защитить от нападков и даже, наоборот, обучать ей.

Конечно, в особенности для неопытного наблюдателя, ничто так не напоминает отсутствие чтения, как не-чтение, и никто так не похож на человека не читающего, как человек, который не читает. Но если внимательно понаблюдать за отношением этих двух персонажей к книге, у вас не останется никаких сомнений в том, что ведут они себя совершенно по-разному, и мотивы, которые ими движут, тоже совсем разные.

В первом случае человек, который не читает, – не интересуется книгой, причем под книгой мы здесь понимаем и ее содержание, и ее положение. Ее связи с другими книгами ему так же безразличны, как и ее сюжет, а страх, заинтересовавшись одной книгой, выказать таким образом неуважение к остальным ему абсолютно неведом.

Во втором же случае человек, который не читает, воздерживается от этого, чтобы ухватить, как библиотекарь Музиля, самую суть книги – ее положение по отношению к другим. А его интерес к книге от этого нисколько не уменьшается, даже наоборот. Именно то, что он понимает тесную связь между содержанием и положением книги, заставляет его действовать таким образом – мудрее многих заядлых читателей, а может, если задуматься, такой подход означает и большее уважение к книге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.